

ГОВОРИ
СО МНОЙ
ЧЕРЕЗ РОТ

Тори Кинкевич

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тори Кинкевич
Говори со мной через рот

«Автор»

2026

Кинкевич Т.

Говори со мной через рот / Т. Кинкевич — «Автор», 2026

Они живут напротив. Она — в старом доме посреди леса. Он — в квартире, где каждый вечер зажигается балкон. И да не ищет встреч. Фен не верит в совпадения. Но лето затягивается, окна остаются открытыми, и однажды тишина между ними становится тяжелее, чем любой разговор. Это история о двоих, которые привыкли быть одни. О взглядах сквозь стекло. О запахе, который невозможно забыть. И о том, как трудно сказать главное, когда всю жизнь учился молчать. Они не спасут друг друга. Может быть, просто останутся рядом. Но разве этого мало?

© Кинкевич Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тепло	5
Глава 2. Напротив	6
Глава 3. Потом	8
Глава 4. Рутиня	10
Глава 5. Незнакомцы	12
Глава 6. Огни	15
Глава 7. 42	17
Глава 8. Зажигалка	19
Глава 9. Вишня	23
Глава 10. Предел	26
Глава 11. Освобождение	27
Глава 12. Домой	29
Глава 13. Эхо	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Тори Кинкевич

Говори со мной через рот

Глава 1. Тепло

Ида с трудом фокусировала взгляд на очереди впереди. Все силы уходили на то, чтобы просто оставаться на ногах – столько было выпито. В руках она держала бутылку рома, обнимая её нежнее, чем многих людей.

«Ублюдок», – повторялось в голове. – «Если карма существует, сейчас ты должен валяться в канаве, обглоданный крысами».

От представленной картины лицо просияло улыбкой. Резкое умиротворение качнуло тело назад.

«Тепло».

Секунд десять она опиралась на источник тепла, прежде чем задумалась о его природе. Осознав картину, Ида не отшатнулась – просто запрокинула голову на чужое плечо, сильнее прильнув к широкой груди позади.

Мужчина смиренно стоял и смотрел на неё сверху. В одной руке – корзина с обычным набором продуктов на двоих, вторая спрятана в карман спортивных штанов, готовая в любую секунду подхватить девушку.

Он широко раскрыл глаза, когда Ида резко повернулась и понюхала его. Такое открытое проявление внимания, интимность и бесстыдство были для него в новинку.

– Вкусно... – процедила она, заглянула ему в глаза. – Что мне сделать, чтобы ты отдал мне свою худи?

Сама ситуация была абсурдной, но молодого человека позабавило другое – абсолютная невозможность девушки сконцентрироваться на одной точке. Её взгляд бегал между его зрачками в ровном, почти укачивающем ритме.

«Такому алкоголь не научит, – подумал он. – Её собеседников не укачивает?»

– Следующий! – раздражённо позвал кассир.

Ида резко отстранилась, отдала бутылку, расплатилась и вышла из магазина, не удержав в памяти только что произошедшее.

Магазин – в пяти минутах от дома, который она сняла на лето.

Очередные отношения закончились крахом. Год вместе. Год, в котором она ни разу не услышала «я люблю тебя», но каждый день слышала «сделай мне хорошо».

Ида замерла, держась за ручку калитки.

– Ублюдок, – уже вслух сказала она, откупоривая бутылку и делая глоток.

Голова закружилась. Не от выпитого – от дежавю. Запах. Такой вкусный. Но из каких он воспоминаний?

В этот момент на её плечи аккуратно легла чёрная худи.

Ида уткнулась носом в своё плечо, вдохнула и только после этого подняла взгляд. Перед ней стоял мужчина в футболке какого-то спорта – не просто ей неизвестного, а, казалось, неизвестного вообще никому. Он остановился рядом, посмотрел на неё с усмешкой, щёлкнул пальцем по носу и спокойно, будто они были знакомы не одно десятилетие, сказал:

– Не за всё в этой жизни нужно расплачиваться.

Подмигнул и пошёл прочь, оставив на девушке своё тепло и запах.

Ида смотрела, как он уходит вглубь жилого комплекса напротив.

«Вкусно...» – подумала она ещё раз, вдыхая запах с плеча, и медленно зашла во двор.

Глава 2. Напротив

Фен зашёл за угол первого же дома, вошёл в подъезд и сделал два оборота ключа. Домом это место он уже давно не чувствовал.

Пять лет он делил пространство с человеком, которого и чужим не назовёшь, но и повода расстаться будто бы нет. У всех ведь так же. Лучше, чем...

– Блять, Марина, я же просил развесить вещи. Ты целый день дома была. Какого хуя? – включился режим бытового зануды. – Я попросил тебя только об одном.

– Я вообще-то тоже работала.

– Ты полдня слала мне всратые мемы.

– Будто ты ничего не забывал. Зачем сразу орать?

Если бы у этой сцены были свидетели и им отключили звук, они бы увидели картину, полностью противоположную реальным эмоциям: спокойный мужчина с потерянным взглядом и женщина, эмоции которой менялись быстрее, чем дилер раздаёт карты. Непробиваемая «рука» из скуки, пренебрежения, задетого эго и джокерной обидки.

– Похер. Там почти всё твоё. Хочешь – перестирай. Или оставь так. Пусть сгниёт.

– Прекращай. Я сейчас всё сделаю.

Марина сделала звук на телевизоре погромче и направилась на кухню, включая машинку заново, на полоскание.

Фен закидывал продукты в холодильник. Желание отравить их обоих было слишком сильным, чтобы готовить ужин. Аппетит пропал.

– Что у нас сегодня на ужин? – стараясь сбить накал, ворковала Марина и, подпрыгнув, села на столешницу.

Фен щёлкнул истёртые кнопки на кофемашине, которая налила ему американо в старую кружку.

– Я сыт, – *«тобой по горло»*. – Придумай себе что-нибудь сама. В морозилке ещё вроде пара каких-то супов.

Он уже выходил из кухни.

Фен закрылся на балконе и с кружкой горячего кофе и сигаретой наконец расслабился. Облокотившись локтями о карниз, в темноте он вперил взгляд в огонёк сигареты и выводил им плавающие узоры. Курить не тянуло. Но сюда его девушка никогда не заходила.

Напротив, в частном доме через улицу, на веранде второго этажа зажглась подсветка.

Дом пустовал уже пару лет. Пару раз за пять лет туда приезжали разные люди, но исчезали так же быстро, как появлялись. Фен привык к тёмному горизонту. Дом стоял среди деревьев и настолько слился с пейзажем, что любые признаки жизни в нём казались странными.

Из тёмной комнаты под жёлтый свет фонариков на террасу вышла фигура в чёрной худи с обнажёнными ногами.

Фен сразу узнал свою худи.

На груди красовалась вручную вышитая фраза азбукой Морзе. Никому, кроме него, не было дела до того, что там написано. А его она грела. Цитата из полюбившейся истории – милый способ получить лёгкий дофамин.

Теперь он видел эту фразу на девушке, идущей босыми ногами по старым деревянным половицам.

Она поставила бутылку и бокал на столик, закинула ноги на перила и открыла книгу. Чёрная худи сливалась её с темнотой, и только голые ноги оттенялись жёлтым светом круглых фонариков. Капюшон скрывал лицо.

Фен перебирал варианты: что она читает, как выглядит, какие эмоции сейчас на её лице. Сострадает ли героям. Напряжены ли брови. Кусает ли губу.

Она скинула капюшон, но ответов он так и не получил – расстояние скрывало детали. Отпив из бокала, девушка приподняла край худи к носу и глубоко вдохнула.

Фен перестал дышать.

Этот маленький жест обрушился на него всей тяжестью того, чего ему не хватало. Каждый день. Всю жизнь.

Шок парализовал тело. Потухшая сигарета так и осталась между пальцами.

Пальцы девушки проскользнули под худи.

«Покажи обложку».

– Бургеры заказываю. Тебе взять что-нибудь? – звала из кухни Марина.

Шум был как будто издалека, и его так легко было игнорировать.

Вторая рука Иды всё ещё держала книгу – было очевидно, что именно слова, написанные когда-то давно неизвестным Фену автором, взволновали её. Движения становились быстрее, скрытые одеждой не по размеру. В последний момент её ноги скрестились, упёршись в перила, и несколько судорог прошли по телу.

Расслабившись, она положила раскрытую книгу на живот, поиграла льдом в бокале, так и не отпив. Из мыслей вывело мяуканье показавшегося кота.

Только когда девушка вернулась в дом, мышцы Фена позволили ему пошевелиться.

Ему не было стыдно, что он не отвернулся. Он не позволил себе подумать об этом.

«Эта худи была создана для неё».

Конечно, он возбудился.

Глава 3. Потом

Фен вернулся в комнату. Он всё ещё был возбуждён. Не телом – импульсом, инерцией. Он сел рядом с Мариной, как делал это десятки раз. Тихо, с запасом пространства. Улыбка – мягкая, проверенная годами.

– Устала? – спросил он.

Ему было всё равно. Таков ритуал.

– Я просто думаю, – сказала Марина, не глядя на него. – Надо завтра заехать за шторой в спальню. Если не забуду. И ещё бельё... я поставила на дополнительное полоскание, но оно жёсткое стало. Надо порошок поменять.

«Конечно. Порошок. Всегда порошок, не воздух, не солнце, не то, что оно пролежало весь день как дохлая рыба. Не ты. Блядский порошок».

Фен положил ладони ей на голени. Медленно. Почти внимательно. Начал разминать. Ему важно только движение рук и ощущение кожи под пальцами.

– Ммм, – отозвалась она автоматически. – Слушай, а ты помнишь, что в сентябре у мамы юбилей? Может, взять подарок заранее. К осени цены поднимутся.

Каждое её слово было как тягучая масса, которая медленно бетонировала всё внутри, обволакивая импульс.

Он поцеловал её колено. Потом выше. Медленно, будто этим темпом можно было подстроиться под её ритм.

Ладонь задержалась. Внутри нарастало давление. Словно он кричал под водой: действие есть, а звука нет.

Он наклонился ближе, коснулся губами её шеи. Легко. Как ей нравилось.

– Фен, подожди. Я сейчас. Развешу бельё, а то снова забуду.

Она встала, аккуратно высвободившись и на ходу перечисляла:

– И ещё страховку за машину надо оплатить. Поставлю напоминание.

Фен откинулся на спинку дивана и закрыл глаза.

Возбуждение никуда не делось. Оно стало тяжелее, требовательнее. Из кухни доносились звуки: щёлкнула дверца машинки, зашуршала ткань. Всё происходило потом. Завтра. Не сейчас.

Он не думал о Марине. И не думал об Иде. Только о том, как прекратить этот тупой, глухой перегруз.

Рука скользнула под ткань брюк. Привычное, холодное, равномерное движение.

Он смотрел в потолок. В белую точку старой трещины. Слушал, как Марина что-то напевает без слов.

Короткая фантазия. Вспышка – газ и спичка.

Разрядка.

И сразу пусто.

Фен протёр живот внутренней стороной футболки.

Когда Марина вернулась, вытирая руки о полотенце, он уже сидел иначе. Собранно. Закрыто.

– Ну вот, – сказала она. – Я освободилась. Можем... – она замялась. – Ты хотел?

Он посмотрел на неё. Впервые за вечер – по-настоящему.

– Уже нет.

Марина нахмурилась:

– В каком смысле?

– Ни в каком. Просто прошло.

Она постояла, будто ожидая продолжения. Потом пожала плечами – не обиженно, а как будто «ну и ладно».

– Хорошо. Тогда я в душ. Разбуди меня завтра пораньше.

Она ушла.

Фен остался один уставившись в потолок.

«Может мне, наконец, повезет и я умру во сне?».

Глава 4. Рутина

Очередное утро. Как сотни других – до безобразия одинаковых. Рутина одного дня, кло-нированная сотни раз. Просто взрослая жизнь. Работа, дом и редкие вылазки в общество, чтобы доказать самим себе, что ты ещё существуешь.

Ида и Фен не исключение.

Она – художник в издательстве. Он – стратег в рекламном агентстве.

Звучит сложно. Звучит важно. Звучит чертовски интересно. Ровно до того момента, пока ты не пришёл в профессию.

Через семь лет у Фена была папка с готовыми концепциями под любое ТЗ. Большинство задач сводилось к комбинации уже опробованных решений. Иногда он делал вид, что работал всю ночь, просто чтобы выбить себе удвоенный выходной.

Раз в год-два появлялся клиент, который действительно хотел что-то новое. В такие дни Фен расцветал. Погружался в исследования, генерировал идеи пачками и легко затыкал любого, кто пытался влезть со своим «а не слишком ли».

Ради таких дней можно было терпеть все остальные.

Почему он не уходил?

А зачем? Везде так. Если каждый проект будет изумрудом, к тридцати он присоединится к печально известному кругу – единственный менеджер среди богов культуры, плюс опоздавший на три года. Какой стыд. Ну уж нет.

Ему нравилась его жизнь. Относительно.

Ида ушла недалеко.

Папка «Ссыкунам» содержала тысячи иллюстраций за семь лет работы. На каждое «не так, как я представляла» в ответ уходил кастрированный вариант – таких на рынке хватало.

Ида штамповала обложки, форзацы и иллюстрации, хотя её любимый стиль почти не использовался. Её центром всегда были эмоции, но авторам хотелось показать весь сюжет и сразу.

Как же шумно они мыслят.

Реалии рынка тоже сделали своё дело. Художники – дорого. Готовая книга без них стоила пиздецки дорого. Культура оформления разбилась о скалы снижения себестоимости.

Почему она не ушла на фриланс?

С иглы хорошего оклада, страховки, бонусов и удалёнки на всё лето слезать было страшно.

Иногда она рисовала за символические деньги арты для пиратов, которые переводили её любимые новеллы, и читала комментарии под ними. В такие моменты она действительно наслаждалась.

Ей нравилась её спокойная жизнь.

Оба берегли своё время, которое чаще всего было нечем заполнить. Но менее ценным оно не становилось.

Фен после работы почти всегда возвращался домой. Просто не сразу.

Сначала бар – не напиться, а посидеть. Пара кружек, разговоры ни о чём, одни и те же лица. Иногда коллеги, иногда школьные друзья. Потом к дяде – посидеть на кухне, дослушать одну и ту же историю до конца, потому что торопиться всё равно некуда.

Иногда кино в одиночку. Иногда просто идти пешком, медленно, без цели, позволяя времени тянуться.

Дом ждал. Он всегда ждал.

Фен знал, что вернётся. Просто оттягивал момент, в котором снова нужно будет войти в эту жизнь.

Так он и жил – не уходя и не оставаясь.

Ида тоже не спешила домой. Могла заскочить в бар, но всегда одна. Получала долю фальшивых улыбок от людей, которые её не помнили. Да и она лишь смутно помнила, как ещё год назад засовывала язык в рот очередного собеседника. Вроде лицо знакомое. Значит, надо выказать внимание.

До переезда к ублюдку она жила с матерью. У них были хорошие отношения, если между ними проложить километров двадцать. Фанерная стена сталинки их накал не выдерживала.

С ублюдком всё вышло сумбурно. Быстрая ночь. Быстрое обольщение.

Переезд не обсуждали. Просто однажды он лежал на ней после секса – своими девянстами килограммами на её уставшей спине, тяжёлый, тёплый, запыхавшийся. И выдохнул в ухо:

– Может, пополам аренду? Ты же почти каждый день тут.

– Ок, – сказала Ида и подумала: *«Довольно дешёвый побег от матери»*.

В ней было много нерастраченной любви, и она накрывала ею партнёра как одеялом. Поэтому выбирала холодных мужчин. Ей казалось, что эта ниша не занята. Но грань между «наполнить дом любовью» и «превратиться в рабыню» оказалась тонкой.

– Ты такая хорошая, сделай массаж, пока я в катке с тиммейтами.

– Ты такая хорошая, сваргань закусок в три ночи.

– Ты такая хорошая, пусть животик пройдёт, а ты просто отсоси.

Она всё делала. Чтобы не быть одной. Чтобы было куда вливать накопленное. Главное – она верила, что её любят. Вот такой любовью.

Пока он не рассмеялся.

Так легко. Так искренне.

Они сидели голые на диване, перекуривали. Ида о чём-то лепетала, и в глубине фраз прозвучало слово «пара».

– Малыш, отношения – для детей. Нам же так хорошо. Друзья с привилегиями. Арендаторы с привилегиями. И хату пополам, и секс крутой.

Целый год заблуждений. Один разговор в начале – и всё могло встать на места. Но вместо этого она привычно нарисовала идеальную иллюстрацию и жила в ней.

Ида ничего не ответила. Улыбнулась, медленно осмотрела квартиру и за пару минут решила, что здесь мусор, а что – её.

Он уснул быстро. Храпел, как всегда.

Она собиралась тихо. Не включая свет. В простыню – вещи, в рюкзак – технику. Дверь закрыла не до конца, чтобы не щёлкать замком.

В три часа ночи в квартире остались грязное бельё, ключи на тумбочке и записка на подушке:

«Иди нахуй, ублюдок».

Глава 5. Незнакомцы

Клуб был уже полон – ещё немного, и станет тесно.

Ида села за барную стойку. Идеальное место, чтобы пригласить себя в чужую жизнь.

Она заказала стопку текилы и кусок торта. Осушив стопку, сразу попросила бутылку и стакан томатного сока.

Пила медленно, но без пауз. Бармен изредка подсовывал ещё одну стопку и, чокаясь с ней её же текилой, уходил к другим гостям. Иногда возвращался – с чередой общих, никому не нужных вопросов про жизнь, вселенную и...

Чем ближе был конец его смены, тем больше становилось комплиментов и тем чаще они чокались, опустошая её бутылку.

В перерывах его внимания Ида ловила обрывки разговоров. Один раз поправила ошибку – ребята перепутали актёров и долго спорили. Спор они наигранно свернули, поблагодарив её за участие. Если минуту назад молодой человек сидел в полоборота к собеседнику, то теперь она видела только его спину.

Позже с ней уже спорили – что текилу с томатным соком не пьют. Ида с энтузиазмом включилась, вывалив ворох неточных знаний. Последним аргументом перед тем, как собеседник справа ушёл покурить, было:

– Ну я же пью. Значит, кто-то да пьёт.

Он вернулся с перекура на другой конец стойки. Девушке, подсевшей на его место, Ида сделала комплимент украшениям, неосознанно потянувшись к ним. Она любила сложные, тяжёлые металлические вещи. Но что-то пошло не так.

– У меня есть парень, извращенка.

Ида поперхнулась и рассмеялась – так, как не смеялась давно. Девушка от неловкости пересела, показывая пальцем на Иду своему парню, подошедшему через мгновение.

Ида ждала бармена, чтобы поделиться наблюдениями и пожалев, что взяла сразу бутылку, опустошила две стопки друг за другом.

Она любила опьянение. Не дурнела, как многие. Тело наливалось тяжестью, привязывая к месту и моменту. Шум в голове стихал, и становилось легче замечать мелочи. Например, улыбки бармена – одинаковые для всех. Особенно для тех, кто ему наливал.

Конец его смены приближался. Как и бутылка Иды.

Она держала полную стопку, переводя взгляд с бутылки, в которой не хватало и на пол-стопки, на торт с погасшей свечой. Воск залил часть крема. Да и пофиг. Есть его никто не собирался.

Ида осушила стопку, воткнула перевёрнутую в торт, откинулась на спинку стула и наконец позволила музыке войти в себя.

Когда её начало клонить в сон, она развернулась, облокотилась на спинку стула и стала смотреть на танцпол.

Люди двигались одинаково. В одном ритме. Красные разогретые лица, одинаковая эйфория в глазах. Просто раскрашенная прожекторами пустота.

Но ритм подходил. Он входил точно.

Она закрыла глаза и позволила телу делать то, что оно хотело. Иногда чувствовала чужие руки, но в прикосновениях не было ничего, ради чего стоило возвращаться в реальность. Дальше тела им всё равно не удавалось зайти.

Сквозь веки она заметила смену света – синий стал фиолетово-розовым. Любопытство художника заставило открыть глаза: может ли цвет изменить ощущение пространства. Может, и мог. Но оценить это сейчас она не смогла.

Чьи-то руки держали её за бёдра, помогая ловить ритм. Чья-то борода колола шею. А глаза через несколько пар переплетённых тел напротив изучали каждое её движение.

Ида улыбнулась. Подбородок чуть поднялся. Взгляд бросал вызов.

Она переплела пальцы с пальцами незнакомца позади и сама повела их по своему телу, будто предлагая игру: «Я заставлю тебя отвести взгляд».

Фен, обнимая свою девушку за талию, позволяя ей обвиваться вокруг него, следил за каждым движением девушки напротив.

«Это уже шестой, – отметил он. – Она это вообще понимает?»

Он считал. Ему было интересно, где ей будет достаточно.

В отличие от неё ему было доступно то, чего она не видела, – лица мужчин у неё за спиной. От самодовольства лёгкой добычи до полного разрушения эго, когда становилось ясно: пилон вызвал бы у неё больше эмоций, чем они.

И всё же он – не прикасаясь, не говоря ни слова – стал для неё центром фокуса.

Он понял это ещё тогда, в магазине. Пустота и взгляд. Ничего больше. Но и этого оказалось достаточно.

Ида отвлеклась на крики справа. Атмосфера рассыпалась. Она отпустила чужие руки и направилась к туалету.

Рука легла ей на плечо, аккуратно разворачивая.

– Ты куда? – не понял мужчина с длинной бородой.

Ида впервые посмотрела на него внимательно и без издёвки спросила:

– Ты кто?

Замешательство позволило ей уйти.

Очереди не было. Она выбрала крайнюю кабинку. Когда уже хотела, не оборачиваясь, закрыть дверь, между ней и косяком появилась нога.

Ида резко повернулась.

Это был тот самый мужчина. Тот, кто обнимал другую, был в ритме с другой, но не отводил взгляда.

Фен не двигался. Он и сам не понял, как оказался здесь. Его девушка – на танцполе. А он приглашает себя в кабинку к другой.

Увидев её уход, просто пошёл следом. Хотел поздороваться. Может, сказать что-то – предупредить, что если не притормозить, будет беда. Но, оказавшись рядом, рефлекторно выставил ногу.

Ида схватила его за ремень, резко втянула внутрь и закрыла дверь.

Она уткнулась носом ему в шею. Одна рука мягко изучала тело, другая расстёгивала ремень и брюки. Освободив дорогу, она нырнула под футболку, ласкала его соски, целовала торс, задерживаясь, опускаясь ниже, обдавая частым горячим дыханием.

Фен замер. Всё происходящее противоречило себе: грубое вторжение и почти нежные движения.

«Остановись. Пожалуйста. Остановись».

Он снова увидел её лицо, когда она опустила на колени на грязный пол. Она всем лицом ласкала его через ещё не стянутую одежду. Резко дёрнув брюки с трусами, мгновенно проглотила то, что уже было готово для неё. Только для неё.

«Марина, услышь! Открой дверь! Открой эту блядскую дверь!»

Мысли существовали отдельно от тела. Он жаждал последствий.

Он тянулся к её голове, но не позволил себе вмешаться – почему-то это показалось ему грубым и ненужным.

За пару минут уверенными движениями она довела его до разрядки.

«Умничка», – мелькнуло в голове, и он тут же смутился. – «Что за хуйня?»

Тишина.

Она спокойно поднялась. Он увидел, как её рука вынырнула из-под платья.

«Чего?»

Показав результат на языке, девушка сделала глоток, облизнула пальцы и сказала:

– С днём рождения меня.

Зрачки расширились. Мыслей в голове было слишком много, чтобы сложить их в единую конструкцию.

Она поправила платье, отряхнула колени, взъерошила волосы и потянулась к замку.

– Я могу сделать тебе хорошо, – вырвалось у него в панике.

– Мне уже хорошо.

Она вышла, оставив его в тишине.

Через несколько минут он вернулся в зал. Его девушка всё так же танцевала. А той, что уже больше месяца не покидала его горизонт, нигде не было.

«Она носит мою худи. Каждый день ходит мимо моих окон. Сосёт мой член. Но мы всё ещё незнакомцы», – ворчал он, глядя на пустой стул и бутылку текилы с парой глотков на дне.

Проходя мимо своей девушки, он подошёл к бару, достал стопку из торта, налил остатки и, облизав край, выпил.

– Блять... – вырвалось у него. – Интересно, было так же сладко?

– Ребята в караоке зовут. Поедем? – Марина обвила его сзади.

«Я хочу домой. Пошли всех нахер».

– Хорошо, – сказал он. – Я закрою стол.

Глава 6. Огни

День Фена изменился.

Кофе на балконе по утрам и вечерам стал привычкой. Иногда он видел свет в окнах, пару раз замечал её возвращение из магазина, но шансов поздороваться не выпадало.

Он не следил. Не запоминал расписание. Во всяком случае, так он себе это объяснял.

Ему было достаточно просто увидеть свет – убедиться, что она где-то ещё рядом. Увидеть худенькие ноги из-под огромной худи, несущие пакеты по вечерам, – и этого хватало, чтобы подтвердить: не приснилось.

Это странно успокаивало. Перед сном он ловил себя на одной мысли: опустеет ли дом завтра? А если да – что я сделал, чтобы это сохранить? И сделал ли хоть что-нибудь.

Работы было много. Наваждение уходило на второй план. Завтра они с Мариной улетают в отпуск.

Не опустеет ли тот дом к моему возвращению?

Раннее утро. В коридоре спортивная сумка Фена и огромный чемодан Марины.

– Из четырнадцати дней десять ты пролежишь на пляже. На кой чёрт тебе столько одежды? – он убеждал себя, что раздражён только потому, что поспал три часа.

– Мы же гулять будем. У нас маршрут.

– У нас только два дня в Тбилиси, а потом, как ты хотела, пляж. Куда ты там собралась гулять десять дней?

– Ну не стирать же там.

Фен замолчал. Смысл разговора рассыпался.

Отпуск есть отпуск. Надо ехать. Отдыхать. Наслаждаться.

Первые два дня он действительно словил кайф. В Тбилиси было где ходить и куда смотреть. Ночной город с высоты старого района зацепил.

Они сидели, обнявшись, пили красное вино и болтали о невозможном.

– Вот бы переехать сюда... – Марина точила топор.

– Вот бы тут свадьбу сыграть... – занесла топор.

– Вот бы встретить старость там, где так красиво... – конец казни.

Фен смиренно кивал. Соглашался со всем. Такова была его роль – быть рядом. Он же её выбрал. Сам.

Через два дня они уже были в Батуми. Такой отпуск Марине подходил больше. Она расслаблялась, впитывая солнце и морской воздух. Каждая минута ничегонеделанья заряжала её на год вперёд.

Фен сидел в открытом баре и с тоской смотрел на море. Ему было до одури скучно.

– Море – последнее, что исчезнет с этой планеты, а я добровольно тарашусь на него седьмой день, – жаловался он бармену Торнике.

За несколько дней они сдружились. Торнике подсказывал, где взять вино повкуснее и куда сходить поесть.

Фен предложил Марине разделить: оставить её на море, самому рвануть в горы, в Местию. Но он не мог противостоять её вялой обиде на то, что он её бросает. Предложил Каппадокию и шары. Это тоже разбилось о спокойное, непробиваемое:

– Мне лень.

За десять дней Торнике стал ему другом. А Марина – на десять шагов дальше. Когда же эти шаги закончатся?

Домой они прилетели поздно ночью. Подъезжая на такси, Фен машинально посмотрел в знакомый двор – и выдохнул.

Огни горели.

Она тут.

Следующие два дня ушли на уборку, стирку и готовку. Огни больше не зажигались.

Потом – работа.

И каждый вечер его с кофе и сигаретой встречал тёмный горизонт и потерянный в темноте дом.

Осень.

Зима.

Весна.

Ни одной живой души.

Глава 7. 42

Хозяин дома, как и обещал, оставил ключи в углублении сверху ворот.

Иде нравился этот дом. Уже второе лето подряд она снимала его у милого старичка. Платила сразу за три месяца, оставляла дом в порядке и даже кое-где чинила. Взамен – ни одного звонка, ни одного вопроса. Ида всё больше ценила людей, которые не врываются в её жизнь по всякой ерунде.

Весь её багаж – две спортивные сумки. В одной – оборудование для работы. Во второй – немногочисленная одежда. И переноска с котом. Который был скорее не багажом, а пассажиром бизнес-класса.

Проходя по двору и поднимаясь по старым скрипучим половицам, она пыталась вспомнить прошлое лето. Но вплоть до зимы воспоминания были размыты. Столкновение с собственными иллюзиями поломало её. Она затуманивала разум всем, до чего могла дотянуться. И вышла из этого чем-то новым, что ещё не распробовала до конца.

Единственный трофей того лета – чёрная худи. За год она стала постоянным элементом гардероба. Сильно велика, но сидела мило и работала лучше обручального кольца. Мало кто захотел бы выставить свою кандидатуру против владельца таких размеров.

Как именно худи у неё оказалась, она не помнила. И не переживала об этом.

Дом был большим, деревянным. Но Ида пользовалась только кухней на первом этаже и комнатой с выходом на террасу на втором. Ей нравился вид. Если не поворачиваться лицом к жилую комплексу за спиной, казалось, что дом прячется в глубине леса.

Редкие соседние дома были заброшены и сильно заросли. По следам машин было видно, что хозяева иногда приезжают – скорее как на склад. Её дом не был исключением: три из восьми комнат использовались для хранения старого оборудования из звукозаписывающей студии. То ли хозяин не мог продать, то ли просто не хотел.

Построенный шесть лет назад жилой комплекс обесценил эти дома и украл их тихую магию. Местным оставалось либо смириться, либо уехать.

Иде тут нравилось. Частный дом и относительно полная инфраструктура. А всё, чего не хватало – рынок, мясная лавка, городские блага – в пяти минутах на такси.

Этим летом она хотела выдохнуть и понять, что делать дальше.

Каждый год ей казалось, что вот – она почти накопила на своё жильё. Но ставки и инфляция обесценивали накопления быстрее, чем она успевала их оглядеть. Ипотеку Ида боялась ещё больше. Если считать честно, сейчас она работала на семь процентов дешевле, чем в первый год. Больше работы брать не хотела. Все потребности, кроме недвижимости, были закрыты.

Не о чем мечтать. Нечего хотеть. Так ради чего жопу рвать?

Первые недели она почти не выходила из дома. Упал большой проект, а к нему – редактор, которому не нравилось всё.

Продукты за магией денег просто появлялись на крыльце. Обычно несколько бутылок воды, овощи, йогурты, полуфабрикаты и тонна энергетиков.

Прошлым летом она выходила из дома, как только заканчивалась бутылка рома. Но с весны почти не пила. Стала больше пить газированной дряни и больше курить, зато теперь хотя бы помнила, что делала вчера.

Тоска по прошлому состоянию не отпускала. Там было много вдохновения. Никогда она не рисовала так, как тогда.

Но так больше продолжаться не могло.

Её испугала собственная глупая привычка, появившаяся ещё в шестнадцать. Она вела список партнёров. Не из чувства превосходства и не ради цели. Просто чтобы помнить. Чтобы был якорь, по которому можно вернуться в тот или иной период жизни.

До прошлого лета отметка целый год стояла на числе девятнадцать.

В конце зимы, сидя на скучном брифинге, она то рисовала линии в старом блокноте, то листала его, останавливаясь на любимых наклейках, то рассматривала фотографии с друзьями. И, добравшись почти до конца, увидела цифру:

«42»

Описания отличались от прежних.

Первые девятнадцать – имя, дата, послевкусие. Иногда короткое: «Того не стоило».

Следующие двадцать три – обрывки. Кривой почерк. Беспощадное количество ошибок. «Отель. Не снял носки».

«Приложение 1. Забыл кепку. Воняет ментолом».

«Приложение 2. Машина».

«Приложение 3. Красавчик. Машина. Карьера».

«Парк. Идиот. Лизун».

«Бар. Туалет. Сладко».

«Метро. Матрас с пружинами».

Ни одного она не могла вспомнить чётко. Только ощущения, которые приводили к этим моментам. За самих людей зацепиться было невозможно.

– Двадцать три за девять месяцев... Пиздец, – подумала она впервые не на ощущениях, а на сухой аналитике. – Ублюдок, – прошипела себе под нос.

В ту же секунду её колено резко ударило коллегу справа. Она оторвалась от блокнота и поняла, что, возможно, была громче, чем думала.

– Извините, я отвлеклась, – сказала Ида и, не лукавя, отодвинула блокнот. Потом резко включилась в обсуждение.

После возвращения в реальность она не спеша сдала анализы – от греха подальше. Заодно прошла общую диспансеризацию. Коли дан ДМС – используем.

В начале весны она написала хозяйину, что готова снова снять дом на лето.

Попробую как все. Тихо и спокойно.

Глава 8. Зажигалка

– Какой садист придумал йогу? – пыхла Ида в позе, которую ни один нормальный человек в тридцать принять не способен.

– Не расслабляемся. Держим баланс, – донеслось с другого конца зала тошнотворно-просветлённым тоном.

Ида потеряла равновесие и рухнула на спину. И впервые за почти час почувствовала себя хорошо.

– Тупейшая идея, – пробормотала она в потолок.

– Я на первом занятии тоже почти всё время просидела, – пролепетала девушка, всё ещё стоявшая в позе и смотревшая на Иду сверху вниз.

– И продолжила? Нравится страдать?

– Тут скучно. Это лучше, чем одной дома весь день. В городе много не наездишься, – она улыбнулась, вышла из позы и села рядом. Йога её интересовала меньше, чем разговор. – Я Марина. Живу в этом доме. Удобно: всё есть, просто спустившись на два этажа.

– И не поспоришь, – согласилась Ида и, не вставая, закинула ногу на ногу, окончательно забив на занятие. – Я дом напротив снимаю. Решила заняться чем-то полезным для тела. Но это выше моих сил. Велик мне ближе.

– Мой парень такой же. Один раз затащила – через пятнадцать минут обложил всех матом и пошёл пить пиво в соседнюю дверь. Если есть велик – тебе повезло. Тут хорошие виды. Он мне все уши прожужжал. Кажется, у него в телефоне фоток деревьев больше, чем наших.

– Деревья не болтают, – прошептала Ида, удивившись собственной стервозности. – А сама почему не катаешься?

– Мне не нравится. Скучно и грязно. Комфорт ближе.

– Каждому своё. Мне – еда.

Обе засмеялись. Тренер шикнул на них.

– Лучше бы сидела на берегу с шашлыком.

– Это точно. Мы каждые выходные к реке ходим. Мой чудесно готовит. Можешь взять своего и присоединиться завтра.

– Нет моего, – хмыкнула Ида. – Я в завязке. Но с удовольствием приду, если приглашение в силе.

– Конечно. Буду рада. Завтра в три, у большого дуба. Возьми себе что-нибудь попить, остальное с нас.

– Спасибо. Мило.

– Я... всё же продолжу занятие, – Марина снова встала в позу.

– А я сваливаю, – прошептала Ида и, выходя, только губами добавила – До завтра.

На улице Ида первым делом достала сигарету.

– Чёртова зажигалка.

Она чиркнула раз пятнадцать. Без толку. Схватила за плечо проходящего мимо мужчину с зажжённой сигаретой.

– Одолжите зажигалку?

Он замер. В одной руке – наушник, в другой – сигарета. Смотрел ошарашенно.

– Извините, – пробормотала Ида и уже собралась уйти.

– Нет, это вы... я... зажигалка... да... сейчас...

Он суетливо полез в карманы, забыв, что зажигалка зажата в кулаке вместе с сигаретой.

Иде захотелось пошалить.

– Может, тогда одолжите руку?

Она наклонилась, взяла сигарету в рот и подвела его сжатый кулак к губам, прикуривая. Потом улыбнулась и постучала пальцем по его кулаку.

– А вот и зажигалка.

Развернулась и пошла. Через пару шагов обернулась – мужчина всё ещё смотрел ей вслед. Она помахала рукой с сигаретой и продолжила путь.

Фен так и остался стоять у входа.

Может, привиделось?

Дверь распахнулась, из зала вывалилась толпа девушек.

– Любимый! Меня ждёшь? – послышался из толпы голос Марины.

– Конечно. За сигаретами выходил. Решил подождать.

– Я познакомилась с соседкой и пригласила её завтра на шашлыки. Ты не против?

– Ага. Без разницы. Хорошо, что ты с кем-то общаешься.

Он всё ещё смотрел на дом напротив.

Пара двинулась домой, обсуждая планы на вечер. Фен на удивление Марины соглашался с каждой идеей не свойственным ему «ага, хорошо, как скажешь».

– Ты вернулась... и забыла... – пробормотал Фен, стоя на балконе и махая коту на террасе.

Он вернулся в гостиную, сел на диван, закинул ноги Марины себе на колени, начал аккуратно массировать.

– Ты помнишь наш первый поцелуй?

– Конечно. Что за вопрос?

– Да так... Пойдём готовить.

Утром Ида вышла на террасу. Было неожиданно жарко. Она закурила и стала разглядывать окна дома напротив. Люди казались маленькими. Тени скользили по занавескам.

На третьем этаже курил мужчина. Большой, слишком большой на фоне узкой створки. От нечего делать она махнула рукой, даже не зная, видит ли он её. Вряд ли.

Мужчина помахал в ответ.

Или показалось.

Она вернулась в дом, переоделась, выкатила велосипед и направилась на рынок. Марина хоть и сказала ничего не приносить, но с пустыми руками приходит неловко. Свежие овощи лишними не будут.

На рынке она безуспешно потренировалась в искусстве торга. Купила огурцы, помидоры, зелень. Там же – пару литров свежавыжатого гранатового сока. Она решила завязывать с алкоголем.

Повесив покупки на ручку, поехала домой длинной дорогой. Неспешно прокатываясь между частными домами. Прогулка зарядила энергией.

Вернувшись, помыла всё и приготовилась к выходу. До реки – минут семь неспешной ходьбы. Дуб, про который говорила Марина, Ида знала. Любила там передохнуть после покатушек. Издалека уже видела, что пара на месте и активно готовит. Следом за видом докатился запах мяса. В животе заурчало. Она погладила себя по животу: «Потерпи». Пара ещё не заметила Иду. А она, снизив шаг, наблюдала, как Марина лежала на пледе и по-детски махала ногами в воздухе. Мужчина стоял у мангала, закрывая его спиной.

– Я не опоздала? – поинтересовалась Ида, когда Марина наконец заметила её и приветливо помахала.

– Ты вовремя. Скоро готово. Познакомься, это мой парень, Фен.

Марина хлопнула его по спине, призывая встать и поздороваться.

Фен на автомате протянул руку и снова застыл. Ну что за дурная привычка?

Ида пожала руку и, не успев себя остановить, выдала:

– Ваши родители были парикмахерами?

И сама засмеялась.

«Она серьёзно?»

– Нет. Мама долго жила в Осло и полюбила скандинавскую мифологию. Моё полное имя – Фенрир.

– Волк, убивший отца? – бросила она, проскочив мимо.

Ида присела у мангала, разглядывая подрумянивающиеся кусочки мяса.

– Мама тоже так думала, но нет, он не был сыном Одина, – Фен присел напротив и перевернул шампуры.

– Твоя мама хотела, чтобы ты убил отца?

Иду редко волновали чужие жизни. Для неё это просто праздный интерес. Она не видела границ. Фен же был поражён такой лёгкостью. Она злила его. Как она смеет так легко говорить о том, что преследует его всю жизнь? Он смотрел в её глаза – и только чудом с его рта не сорвалась череда проклятий. Он хотел схватить её за плечи и трясти, пока она не развалится на части.

«Ты блять так шутишь? Ты сосала мой член. Подружилась с моей девушкой. Пришла есть мясо которое я готовлю. За секунду вскрываешь историю моей семьи! Но смотришь голодными глазами на мясо, а не на меня? Какого хуя?»

Но всё, что он ответил:

– Возможно.

– Я принесла овощи и гранатовый сок, – Ида отвлеклась от магии жарки и выложила всё на общий импровизированный стол-плед. – Должно быть, вкусно. Хорошо пойдёт к мясу.

– У меня есть вино, – Марина кивнула в сторону бутылки.

– Я пас. Стараюсь сократить алкоголь. Прошлым летом натворила дел, и в какой-то момент поняла, что больше так нельзя. Мужчин и алкоголь заменила на велик и энергетики.

– Ха... – вырвалось у Фена. Но, увидев непонимание в глазах Марины, сделал вид, что отгоняет золу от лица.

Мясо было готово. Компания расположилась на пледе и болтала обо всём и ни о чём. Каждый рассказал немного о работе. Марина открыто завидовала и радовалась за девушку, не забыв упомянуть, как ей скучно в пригороде. Но она переехала сюда к Фену, и это небольшая плата за любовь. Много рассказывала про сериалы.

Фен пил пиво и почти не включался в беседу, пока речь не зашла про путешествия. Оказалось, они с Идой были в одних и тех же местах с разницей в пару лет. Оба – в Грузии, Израиле, Ирландии, много ездили по России. Живо вспоминали мелочи про каждый город. Марина, заскучав, быстро осушила бутылку вина. Фен пил уже пятую банку. Ида пила гранатовый сок и не прекращала хрустеть огурцами.

Фен встал и достал пакет из реки, где охлаждалось пиво.

«Ага, бросила она»

Он достал две банки, открыл одну и протянул Иде. Ида машинально приняла, но, поняв содержимое, оторопела. Полсекунды подумав, повертев в руках влажную банку, осушила половину за раз и с чувством редкого наслаждения выдала в горизонт:

– Как же, блядь, хорошо.

Улыбнулась, посмотрела на Фена и искренне поблагодарила:

– Я скучала по этому. Спасибо.

«Что с тобой не так? Я провоцирую, а ты благодаришь?» – думал Фен, глядя на неё почти зло.

Он сделал несколько глотков, которые застряли внутри, и невольно громко, смачно рыгнул. Заалел. Смущённо затараторил извинения, заёрзал в поисках салфеток.

– Слабак! – выдала Ида. Она страшно не любила неловкости и чётко видела смущение парня. – Смотри, как надо.

Она сделала три больших глотка из банки и рыгнула ещё громче. Рассмеявшись, добавила:

– Учись, пока жива, пацан!

Фен залился смехом.

– Ты просто ходячий пиздец.

Он приложил прохладную банку ко лбу, сбивая жар. Ида протянула бутылку Марине:

– Попробуешь?

– Да ну вас. Два сапога – пара. Люди же вокруг.

От этого они засмеялись ещё сильнее.

Стемнело. Ида сидела в позе лотоса, откинув руки назад, и смотрела на реку. Фен лежал, закинув руки под голову, на начинающие проявляться звёзды. Марина положила голову ему на живот и листала ленту. Ида, посмотрев на пару, тоскливо разрушила тишину:

– Вот по чему я действительно скучаю – по человеческой подушке. Ты счастливая, – заключила она и взъерошила волосы девушки. – Пора собираться. Давайте соберём мусор.

Ида нарушила магию момента. Ей стало в нём тесно. Она рьяно начала сборы, провоцируя на то же самое пару.

По дороге домой старалась идти на шаг впереди. Ей не хотелось видеть, как Марина повисла на руке Фена. Она не понимала природу этих чувств, но понимала, что не имеет на них права. Расстались у дома Иды. Она только из зеркальной вежливости пригласила пару на ужин на следующих выходных. Марина резво оживилась и согласилась. Фен одобритительно мотнул головой:

– Пойдёмте отдыхать.

Зайдя в дом, Ида почувствовала себя опустошённой. В пустоте и темноте сдавил ком непонятных эмоций. Почти через силу поднялась на второй этаж и вышла на террасу. Огоньки включились от движения. Она рухнула, едва переступив порог, и заплакала. Калачиком на холодном деревянном полу – надрывно, беззвучно.

Где-то на горизонте увидела огонёк сигареты. Смотрела, как он вырисовывает что-то в пустоте. Слёзы всё ещё лились, но уже без истерики. Огонёк погас. Ида успокоилась, вернулась в комнату и забылась сном.

Глава 9. Вишня

Ида сидела на полу кухни и смотрела на запекающееся мясо. Она была вымотана. Неделя выдалась тяжёлой. В ней накапливался гнев на всё подряд, и никак не получалось расслабиться. Она сидела на полу, не в силах пошевелиться. Скоро должна была прийти та парочка, и это бесило её ещё больше. Просто знак вежливости. Просто лягнула. Она бы придумала отмазку, если бы они обменялись тогда телефонами. Но никому это не пришло в голову. А она не настолько мразь, чтобы развернуть их с порога.

Сделала пару закусок, купила вина для Марины и пива для Фена. Себе подготовила безалкогольный мохито. Накрыла стол на веранде. Лучшее место в доме. Путь на неё, конечно, через спальню, но вряд ли это вызовет у них интерес.

Ещё ничего не началось, а она уже устала.

Скрипнула калитка, через мгновение – шаги по лестнице и стук в дверь.

«Блядь».

Она не спешила вставать. Взъерошила волосы, чтобы прийти в чувство, и открыла дверь с самой притворной улыбкой, какую смогла выдавить.

На пороге стоял только Фен. Ида удивилась и заглянула ему за спину.

– Марину вызвали на работу. Мы не знали твоего номера, и я решил... – Фен не знал, как закончить. Он был счастлив, что так сложилось, но хотел остаться в рамках вежливости.
– Ты старалась, грубо было бы не прийти.

Ида молчала.

– Я принёс тебе компот. Я сам крутил, из своей вишни. Вкусный. Правда.

Ида протянула руки к банке и нежно её обняла. Фен вспомнил, как год назад она так же обнимала бутылку рома, и улыбнулся.

– Я заслужил ужин?

Ида замотала головой, приглашая в дом.

– Извини, зависаю. Неделя проехала по мне катком. Не знаю, как ещё на ногах стою. Проходи. Я накрыла на террасе. Пиво в холодильнике, возьми сам. А я пока достану мясо. Почти готово, надо разложить.

Она тараторила и нервно заходила по кухне.

– Замри! – не выдержав, скомандовал Фен.

Ида подчинилась.

– Иди наверх и сядь. Я сам принесу. Ты сделала достаточно. – Он легонько подтолкнул её плечом. – Эй, посмотри на меня.

Ида подняла глаза. Взгляд забегал между двумя зрачками Фена.

Фен засмеялся.

«И правда укачивает».

– Иди наверх. Я приду следом.

Ида отдала прихватки и поднялась на террасу. Обессиленная, рухнула в кресло. Стол был накрыт на троих и плотно заставлен закусками.

Фен не заставил себя ждать. Через пару минут поднялся на второй этаж. Ида услышала, как он ненадолго остановился в её спальне, и через мгновение вышел на террасу с двумя тарелками – запечённое мясо с картошкой и перцами.

В спальне его задержало то, что он не ожидал увидеть: его худи была надета на пару подушек и лежала на кровати. От этой картины стало грустно.

В неловком молчании Ида отправила первый кусок в рот и улыбнулась:

– А не дурно вышло.

Фен попробовал вслед за ней и к удивлению признал, что действительно вкусно.

- Ты не взял себе пиво. Принести?
- Сиди. Я компот.
- Марина не против, что ты один пришёл? – Ида устало выдохнула и откинулась в кресле.
- Я ни на что не намекаю, просто...
- Это была её идея. Да и я не мог не прийти.
- Ему было почти жалко девушку. Она выглядела действительно уставшей.
- Тебе нравится этот дом?
- Да, тут тихо. И старик-владелец отличный малый. Я легко могу представить свою жизнь вот так, – она обвела рукой стол и дом. – Куда я дела зажигалку...
- Ида начала рыскать по столу.
- Фен протянул огонь. Она легонько направила его кулак ближе. От яркого пламени зрачки расширились.
- Точно! Я всё думала, почему мне твоё лицо показалось знакомым. Зажигалка.
- «Ага, то есть чтобы вспомнить остальное, ты предлагаешь мне штаны снять?»
- Да, зажигалка. Это был я. А хочешь, скажу ещё больше?
- А что есть больше?
- Фен встал, отодвинул третий стул, присел за спиной Иды и вытянул руку на уровне её глаз. Второй рукой чуть сдвинул её лицо.
- Проследи за пальцем.
- И что я увижу?
- Мой балкон.
- Ида уставилась на балкон. Все огоньки тлеющей сигареты разом всплыли в памяти. Особенно тот последний – в ту ночь на полу.
- Ты... – Она хотела спросить, видел ли он. Но не была готова узнать ответ.
- Ты мне как-то махала. Было мило, – Фен вернулся в кресло.
- Можно... можно мы помолчим? Немного.
- Ида чувствовала себя раздавленной. Свидетель её падения сидел напротив так спокойно.
- Как же хочется выпить, – тихо прошептала она, закрывая глаза рукой.
- Она не заметила, как Фен вышел. Он вернулся и приложил к её щеке холодный бокал с пивом.
- Если хочется – выпей. Один бокал не сделает тебя алкоголичкой.
- Ида взяла бокал с тихим «спасибо». Фен снова вышел. Иду не беспокоило, как по-своему он действует в её доме.
- Он вернулся со своей худи и протянул ей:
- Холодает.
- Ида залилась краской, понимая, что он снял её с подушек, которые она каждую ночь обнимает, но не дала этому выйти наружу.
- «Что могу, то и обнимаю», – мысленно ответила она.
- Не делай так больше. Я наивна, как бездомная собака. Это нечестно.
- Фен пожал плечами.
- И всё же она надела худи. Сидя с бокалом пива, начала водить пальцем по точкам и тире на груди.
- Фен разрешил себе немного поиграть:
- Что это значит? – кивнул на вышивку.
- Это цитата. Из книги. Моей любимой.
- Фен откинулся в кресле, не веря в услышанное.
- Это глупо. Просто... Я была пьяна. Очень долго и сильно. Было плохо. Но однажды проснулась в ней – и поверить не могла. Это неизвестный роман, довольно фривольного содер-

жания. А кто-то сделал такую надпись. Такое не купить, я проверяла. Но я не помню... Я очень много не помню. И плохого, и хорошего. Но, кажется, я помню этот запах...

Ида натянула худи на нос.

Фен сглотнул.

Он смотрел на притихшую Иду и мечтал обнять её. Крепко-крепко. Но нельзя. Для неё пока нет места в его жизни.

Он закинул ноги на перила, подавая пример. Он уже помнил её такой. Помнил её обнажённые ноги в той же худи, в свете тех же огоньков.

У него встал.

«Блядь. Дебила кусок».

Фен отвернулся к своему дому в поисках чего-нибудь спасительно омерзительного. И нашёл. Собственный балкон обдал ледяным душем.

– Ты снова уедешь в конце лета? – пора было разрушить атмосферу. Возвращаться.

– Да, в середине августа. Надо в офис. Погоди... Снова?

– Вернёшься следующим летом?

– Не знаю. Может, да. Может, не в этот дом. Просто... боюсь привыкнуть.

На светлых шторах виднелся танцующий силуэт Марины на кухне.

– Я бы так не смогла. Я знаю только тридцатилетнюю усталость и уже не помню двадцатипятилетнюю лёгкость.

На вопросительный взгляд Фена она мотнула головой на силуэт:

– Я почти уверена, что у неё есть ответы на все вопросы. Хорошо, наверное, быть с человеком, который точно знает, что будет завтра, и всегда счастлив.

У Фена подступил ком к горлу.

– Ты счастливчик, – подытожила Ида и снова зарылась носом в худи. – Она ждёт тебя наверное.

Фену прилетело под дых. Он получил то, что заказывал. Его вернули в реальность.

Фен встал, обошёл кресло Иды и остановился у неё за спиной. Захотелось попросить прощения. Но за что?

Он легонько потрепал её по волосам и, выходя, бросил:

– Отдохни. Ты выглядишь уставшей.

Ида ничего не ответила. Она продолжала смотреть на силуэт в чужом окне. Она выпала в смесь фантазий и воспоминаний, и у неё не было якоря, чтобы вернуться.

Спустя время на балконе зажёгся огонёк. Потом ещё один. И ещё.

Так Ида и уснула.

Глава 10. Предел

Фен курил одну сигарету за другой, наблюдая, как Ида засыпает в том же положении, в каком он её оставил. Марина болтала с подругой уже битый час, обсуждая в основном рабочие сплетни. Когда она наконец умолкла, начался ритуал масок.

«Не дай бог баночки перепутать – нос на коленке отрастёт».

Это конец. Пора быть честным с собой.

– Замёрзнешь ведь... – пробормотал он, глядя на спящую Иду.

На секунду мелькнула мысль вернуться и накрыть её. Но кто он такой?

Он вернулся на кухню, заварил кофе и смотрел на беготню Марины от одной баночки к другой.

«Шесть лет. Общая жизнь. Сотни обещаний. Как я могу положить этому конец? Она не сделала ничего плохого. Просто я так долго... её не люблю. И, кажется, никогда не любил».

– Малыш, ты о чём задумался?

«Как я могу её прогнать? Хотя сколько раз она говорила, как ненавидит это место. Где-нибудь в другом месте ей будет хорошо».

– Ты как будто дыру во мне хочешь прожечь, – смеясь, Марина опустила на колени рядом. – Как прошёл ужин? Надо бы к ней заглянуть и извиниться. Нехорошо получилось.

«Почему мне потребовалось так мало времени, чтобы возненавидеть тебя?»

– Не нужно. Её вымотала работа. Потом зайдёшь.

– Ты какой-то странный. Всё в порядке?

– Я хочу... – «...расстаться» – тебя.

Фен резко развернул девушку на себе и грубо поцеловал.

Он был груб. Мстил той, кто ничего не сделал, за собственную слабость. В какой-то момент Марина умоляла остановиться, но он становился только жёстче. В затуманенной яростью голове вертелось: «Я терпел – и ты терпи». Он остановился, только когда Марина укусила его, вернув в реальность.

– Да что с тобой не так? Ты обезумел?!

Марина отвесила пощёчину, закрылась в ванной и заплакала.

– Блядь... – тихо выругался Фен.

Он не мог ответить ни на один её вопрос. Никогда таким не был. Он почти изнасиловал собственную девушку.

«Что я, блять, творю?»

Фен оделся, подошёл к двери ванной, откуда доносились всхлипывания. Упёрся лбом в дверь и бессвязно забормотал:

– Прости... Я уйду. Выходи. Просто прости.

Фен ушёл к реке.

«Я знатно проебался».

Глава 11. Освобождение

Жизнь Иды вошла в череду повторений. Утром – рынок, потом работа, обед, пробежка, ужин, книга или сериал. День за днём. Завтра будет так же, как вчера. Кажется, она никогда не чувствовала себя такой отдохнувшей.

Иногда по вечерам она мысленно возвращалась к знакомому балкону. Но огонька давно не было. Две недели – ни одного столкновения ни с Феном, ни с Мариной. Свет в окнах иногда горел, но казалось, что там нет жизни.

Она не обманывала себя в том, что немного соскучилась. Ей нравилась его компания: тихая, безмятежная. Марина нравилась меньше – её было слишком много. Но не все люди вокруг нравятся. С каждым годом заводить друзей всё сложнее.

У неё скоро день рождения. Можно пригласить их. Прошлый был как в тумане. Вроде там был клуб. Но как пригласить? Просто постучаться?

Праздновать в одиночестве очень не хотелось. Все её близкие друзья были разбросаны по миру, и их редкие встречи ограничивались видеозвонками, которые заканчивались, когда дети уже не выдерживали ревности к отвлекшимся от них родителям. Ничего страшного не случится, если она просто постучит? Он сам показал свой балкон.

Вечером Ида дождалась, когда в нужных окнах зажётся свет. Взяла вишнёвый пирог – неприлично приходить с пустыми руками. Проблема возникла у подъезда: она не знала код. Она уже развернулась уйти, поругав себя за нахальство, но дверь открылась, и она инстинктивно её придержала.

Поднялась на третий этаж, пересчитала окна и постучала.

Открыл Фен. По запаху она поняла – выпито много, но стоял он ровно. Казалось, он не понимает, кто перед ним.

Ида не могла начать первой. Ситуация казалась странной и опасной. Она чувствовала это кожей.

Фен долго её осматривал, провёл пальцами по руке с пирогом и безразлично спросил:

– Этот пирог для меня?

– Да. Точнее нет... ну то есть да. Для вас. Я хотела...

– Зайдёшь?

Ида сделала шаг, но тут же отступила назад, чем вызвала ухмылку Фена.

– Я не уверена. Всё нормально?

– Этот пирог для меня?

– Ты пьян?

– Да. А ты?

– Нет.

– А хочешь?

– Нет.

– А пирог хочешь?

– Что?

– Ты держишь в руках пирог.

– Эм... да. Я принесла для вас с Мариной. У меня день рождения, я хотела пригласить вас... и испекла пирог вместо приглашения, – Ида нервно тараторила.

– Нет Марины.

– Ну, когда придёт... съедите вместе. А я лучше в другой раз зайду.

– Не съедим.

– Я не понимаю.

– Ты.

– Я?

– Да, ты.

Всё внутри Иды кричало: «Бежать!»

– Я зайду в другой раз.

– Останься.

Ида попятилась, но Фен перехватил её и затащил в квартиру. Пирог упал в прихожей.

– Мне страшно, – сказала она.

Фен отрезвел и резко отскочил.

– Прости. Я не хотел. Просто после всего... и ты на моём пороге...

– После чего?

Ида встала рядом с дверью, заранее планируя побег.

– Я бросил Марину.

– Мне жаль.

– Разве?

– Ты пьян. Тебе лучше успокоиться и прилечь. – Ида пятилась к двери.

Атмосфера душила её, выбивая воздух из лёгких.

– Успокоиться? Мне? – Фен с силой надавил пальцами на внутренние углы глазниц –

Ты перевернула мою жизнь. И хочешь, чтобы я был спокоен? Скажи честно, ты ведь просто издеваешься и все помнишь?

– Я правда не понимаю. Я пойду.

Она развернулась, чтобы убежать, но Фен прижал её к двери и упёрся лбом в её затылок.

Запах табака окутавший ее, выбивал последние остатки сознания. На ногах Иду держал только адреналин.

– Ты... – Фен перешёл на шёпот – Ты носишь мою худи. Я второе лето смотрю, как ты носишь мою худи. Обнимаешь её. И каждое лето в ней же исчезаешь.

Ида замерла. Паника исчезла. Странное спокойствие.

– Ты читаешь в ней книги. Дрочишь в ней. И хочешь, чтобы я успокоился? – Фен даже не понял в какой момент начал покачиваться – Ты праздновала прошлый день рождения со мной. Твои тридцать лет ты отпраздновала, отсасывая мне в туалете, пока Марина танцевала. Я до сих пор помню вкус того торта. И ты приглашаешь меня отпраздновать тридцать первый в тот же клуб. Тебе не кажется, что я был спокоен достаточно долго?

Ида заплакала. Как она могла быть так наивна?

Фен сделал два шага назад.

– Я больше не держу тебя.

Она вышла. Не оборачиваясь. Бежала до дома. И только там дала панической атаке войти в себя.

Рухнула на пол, не в силах отдышаться. Металась по дому, пока тело не сдалось. Дыхание замедлялось, пульс выравнивался. Тишина леса убаюкивала.

Ида лежала на полу, натянула худи на нос в поисках запаха, которого уже не было.

«Всё это время это был он».

Глава 12. Домой

Рабочий общий чат. Ида, 16:11: Коллеги, я сильно заболела. Я завтра офф, выпадаю на время. Подлечусь и вернусь.

Бухгалтер Лена, 16:13: Леночек, я приболела, давай, чтобы не напрягаться с больничным, зачём мне эти дни в осенний отпуск.

Шаболда проектная, 16:17: Элис, привет! Я что-то подхватила. Совсем без сил. Отдай, плиз, последний проект Максу. Мои заготовки на серваке уже лежат. Я пока не понимаю, как быстро оклемаюсь.

Сестрёнка, 16:25: Дорогая, позвони мне, как будет удобно. Ты мне нужна. Я в жоле.

Мама, 16:38: Не спишь?

Ублюдок, 17:11: Встретимс... Встрет... Встре... Встр...

Ида стирала медленно, букву за буквой. Телефон в руках завибрировал. Мама...

– Какой «не спишь» в пять вечера? Ты чего? – спросила мама, и Ида услышала на фоне шум посуды. – Погоди, включу громкую.

– Да я просто так. Давно не звонила. Что делаешь?

– Готовлю. В два часа закончилась служба. Вернее, в два часа я уже дома была. Меня сосед привёз.

– Который тебя всегда подвозит?

– Да. Ну, у меня там ещё один... у нас в храме есть ещё один парень, который по Волгоградке едет на МКАД. Домой когда. И я говорю: «Серёж, подбросите меня, если что». Он говорит: «Да». А потом образовался Володя, и я говорю: «Ой, спасибо большое, меня он прямо практически к дому подвёз».

– А из какой он квартиры? Что-то я не помню.

– Да нет, я просто к нему когда-то ходила на массаж. Он живёт на соседней улице, поэтому я его называю соседом. Ну, короче, я так и называю – сосед и сосед, всё. Долго объяснять. Да вы знаете, там вот, сосед, всё. Поэтому он меня и привёз. Да, в два часа я уже была дома, поела, легла, ну и где-то в три я заснула.

– Пост закончился? Расскажи, что вкусного съела сразу? – Ида откинулась на диване на кухне и закрыла глаза, слушая родной голос.

Мама обрадовалась возможности поделиться:

– Ой, ну я приготовила себе курицу с грибами в сливочном соусе. Да... голяшки купила. Сегодня я их разобрала, убрала косточки, оставила только мясо. Короче, у меня курица в сливочном соусе, я рис приготовила себе, хотя у меня ещё макаронки есть. Потом у меня есть ещё, ну, овощи – это овощи просто. А так я позже ещё бастурму попробую, которую мне клиентка приносила, очень вкусная вроде. Я её достала из морозилки, в холодильник положила. Очень вкусное мяско. А ещё я купила себе торт «Птичье молоко». Короче, да. Потом мне ещё клиентка подарила макароны, классные какие-то макаронки. Вот, короче, я их засунула в морозилку.

– А их можно замораживать? – спросила Ида, сама не зная, зачем ей это.

– Ты знаешь, я залезла, посмотрела, потому что так как я забыла и купила торт, я думаю: блин, что же мне делать? Я залезла, погуглила – можно ли замораживать макаронки. И одна девочка пишет: «Ой, можно, я очень люблю их замораживать. Я их потом даже люблю замороженными грызть. То есть как мороженки». И я быстренько бросила их туда, потому что они там натуральные, там, знаешь, какие-то натуральные бананы, ягоды.

– Любопытно. Я думала, что из-за миндальной муки нельзя. Прикольно.

– Я, правда, не знаю, какие они будут. Я тебе потом скажу, если они разморозятся. Но мне кажется, они как были, так и будут. Потому что практически все торты, которые я заморажи-

вала в морозилке, они вообще не менялись. Миндальные торты, вспомни, они все замороженные продаются. Мы же с тобой покупали в Икее. Они вкуснейшие – как были, так и остаются. Короче, да, всё, я это заморозила. Чё-то я ещё... ну, как всегда жадность... я ещё себе купила эти сырники, значит, тоже заморозила.

– Ты Альф с семью желудками, – улыбнулась Ида.

– Не, ну я всё заморозила. Я ем-то порциями, они небольшие. Просто у меня глаза завидущие – это да. Но видишь, я зато потом всё морожу и потом долго-долго-долго это всё ем. Вот. И, слушай, я как-то видела эти... я тебе говорила... вот эти на хлебушке делаются такие, как ленивые роллы. Они делаются не на рисе, а на хлебушке. Когда ты смешиваешь и разбираешь на полоски крабовые палки, потом туда кубиком резанные помидорки мелко, потом сыра чуть-чуть натёртого и чуть-чуть там икра такая в банке, как икорное масло, и чуть-чуть этого масла. Короче, всё это смешивается, выкладывается на тонкий-тонкий кусочек багета и убирается в духовку, и потом достаётся, когда они поджарятся, и терияки соусом полить. Хотя можно и так, если соуса нет, но я и соус купила. Всё купила, короче. Вот это ещё потом сделаю, и вот эти хрустяшки на хлебушке. Это как ленивые тосты. Получаются как роллы, короче. Вот такая штука – красота. Ну я ещё не пробовала всё это. Я ничего просто не вскрываю пока. Я не съем всё это сразу. А ты что делаешь?

– Я только встала недавно. Я вчера... – Ида запнулась. – Я вчера, когда леглась, случайно разлила воду на постель. Забрала сухие подушки и спала на диване. Накрылась пледиком. Тут тепло. Я хорошо поспала.

– На диване у тебя, наверное, не вытянешь ноги.

– Да мне это не важно. Я лежу калачиком. И с моим ростом мне не так сильно их надо подгибать. Я же коротыш. Проснулась где-то часик как.

– Слушай, а мне кажется, что я заболела. Помнишь, как тебя неделю мучило? Всё, я заболела, мне как в детстве. Ну, короче, у меня есть витаминка С, и я достала, и думаю – попою я чуть-чуть витамин С, – перебила Иду мать, даже не заметив.

– Витаминку С надо пить заранее.

– Ну, я считаю, что я ещё не заболела, и я заранее вот и начинаю. Самое главное – быть хитрожопой.

– Есть логика.

– Короче, вот, да. Ладно, давай балдей там. Я завтра тоже ещё выходная, поэтому мне так радостно, что я завтра выходная. Потому что думаю: я буду валяться, я буду чай пить с малинкой, я буду есть всё, я буду витаминку С пить, я себе тостики сделаю завтра. Думаю, мне так хочется это – поваляться ещё завтра, а уже потом пойду работать.

– А я сегодня убираться думала. У меня сейчас просто хлам. Инструменты разбросаны, всё вот это. Я хотела тут задержаться, но...

– А, слушай, ну наведи порядки. А в саду ещё надо. У тебя там ужас.

– Да, но что-то сил нет. Поэтому я думаю, что сегодня я позволю себе ещё побалдеть...

– Да, посмотришь по настроению. Иногда просто бывает так. Да-да. Побалдеть, побалдеть, а потом хренак – и убрать всю квартиру за час.

– У нас это где-то в генах.

– За час у меня не получается. Я если разбираю, то уже конкретно всё разбираю, всё делаю. Подольше. Но в любом случае, да, уже берёшься так... Просто настроение вдруг, когда выспишься, отоспишься, и вдруг за какое-то дело зацепишься – опаньки – и поехала.

– Мне приготовить что-то надо, у меня пустой холодильник.

– Надо подесть, да, а потом остальным заниматься.

– Ну, я думаю, я приготовлю просто себе супчик...

– А, супчик хорошо. Куриный?

– Да, потому что что-то...

- Ой, взять курочку и такой наваристый супчик сделать. Вкусненький, вкусненький.
 - Мне что-то нехорошо немного...
 - Надо взять три бёдрышка и сварить супчик вкусненький.
 - Да, да, да, да, да... – Ида уже не слушала. Она смотрела в потолок и кивала.
 - Понятненько. Да. Ладно, балдей давай. Давай, целую, пока.
 - Целую, – ответила Ида уже в пустоту.
- Она закрыла глаза и провалилась в сон.

Глава 13. Эхо

Фен смотрел на убегающую спину Иды. Заслужил. Смотрел на зеркало на двери – на нём застыли слёзы и след его ладони. История повторяется. Они обе плакали. Но почему только сейчас ему больно?

Разрыв с Мариной вышел громким.

За три дня до того пирога он пришёл с работы – собранный как никогда. Посадил Марину за стол, сел напротив.

– Я хочу, чтобы ты ушла. Я хочу расстаться. Собери, что считаешь нужным. Остальное выброшу.

Повисла тишина.

Осознав услышанное, Марина засыпала его вопросами. Искала причину в плохом дне, работе, настроении. Человек напротив был непробиваем. Он и на человека не был похож, скорее на плохую анимацию.

– Я хочу, чтобы тебя тут не было.

Марина плакала, умоляла, обещала исправиться. Но правда в том, что ей не нужно было становиться лучше. Она не была плохой. Она просто была ненужной.

Фен облокотил голову на стену и молча ждал. Скоро будет гнев.

И действительно его безразличие вызвало волну ярости. Марина пинала его, пощёчины летели одна за другой.

Фен просто ждал тишины.

Через полтора часа, поняв, что собираться она не думает, он обулся, лоя спиной проклятия.

– Я вернусь через два дня. Забери всё, что захочешь. Остальное сожгу.

Он вышел. Двинулся по инерции. Набрал отца Марины:

– Я бросил Марину. Она разбита. Приезжайте.

И отключил телефон.

Доехал до соседнего городка. Гулял, рассматривал тарелки, перебирал футболки, поел чизбургер. Нашёл автоматы с игрушками – убил там остаток вечера.

Выйдя на улицу, сел на бордюр. Утром на работу. Где спать?

Через час его привлёк запах шаурмечной за спиной. Взял одну и холодный чай.

Включил телефон – тот взорвался уведомлениями. Смахнул всё. Набрал дядю.

– Могу приехать на пару дней?

– Конечно. Через сколько?

– Час.

– Давай, встречу.

Фен вызвал такси. Написал начальнику и в третий раз похоронил дедушку, который не дожил до его рождения.

Договорились перенести отпуск на пораньше. Теперь у него были две недели.

У дяди он отрубился в гостевой комнате. В двух словах описал ситуацию и попросил не трогать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.